

Жук-кармод

Уверен, что у каждого в жизни бывали такие периоды, хотя бы кратковременные, когда наступал настолько полнейший штиль и затишье судьбы, что казалось, что весь мир замер, заморозив вихри и круговерти событий, и ровным счётом не происходит ничего - ни хорошего, ни дурного.

И это вполне можно понять - после напряжённых и насыщенных событиями походов, тишь да гладь на поверхности моря Фортуны воспринимаются подарком природы или неких высших сил, однако же совсем другое дело, когда этот период стабильности, как принято называть его в нашей стране, начиная с семидесятых годов прошлого века, затягивается на долгие месяцы. Кажется, будто события сами собой, проходя по касательной, огибают тебя, точно бы опасаясь коснуться поверхности кожи, так, словно брезгают озарить жизнь своим, хотя бы малейшим, присутствием.

После полугода подобного невыносимого затишья начинаешь задумываться, живешь ли ты до сих пор, или всё то, что тебя окружает - это осколки памяти, создающей иллюзию статического мира, тогда как на деле не осталось ничего, что можно было бы назвать собой, а вся реальность вокруг - это просто до неузнаваемости преображённое чистилище, где тебе суждено прибывать, вполне возможно, ещё ни одну тысячу лет.

Так уж получилось, что за последние полгода не произошло ничего, о чём возникало бы желание вспоминать, и, наконец, осознав что подобная жизнь ничем не лучше смерти, я решил посоветоваться с друзьями и знакомыми, было ли с ними подобное, и каким таким образом им удалось выкарабкаться из подобной ямы безвременья.

Во время очередного разговора товарищ посоветовал: “Знаешь, на Косматой горе живёт один чужак. Вообще-то, не совсем ясно кто он такой и откуда взялся, но все его зовут просто добрым доктором Куку, потому что впечатление от общения с ним остаётся самое неоднозначное, зато, говорят, помог он стольким людям, скольким, возможно, не помогли даже крупные клиники за десятилетия их существования.

Местные, живущие поблизости, чаще всего называют его немного по-другому - Айыбы Лид. Несмотря на кажущееся созвучие, к Айболиту это имя не имеет никакого отношения, просто за перевалом Косматой горы начинается разветвлённая сеть древних пещер,

прозванных Айыыбы, в которых в стародавние времена жило целое поселение, выстроившее дома прямо во тьме пещерных гротов, спасаясь от дождей и от зимней стужи. Жили они по какому-то древнему, всеми забытому и никому не понятному укладу, да никто в их жизнь и не старался вмешиваться. А добрый доктор был их...даже не знаю кем...вождём, сельским старостой, главой, лидером - понятия не имею, как у них там все эти ранги называются. И вот, в одно прекрасное солнечное утро этот сельский лидер вылез из пещер, взобрался на вершушку горы и начал строить там деревянный дом.

А племя его больше никто и никогда не видел. Ходят слухи даже, что племя превзошло свою человеческую природу, превратившись в другую категорию существ - и переселилось куда-то подальше и поглубже, подобно каким-нибудь тeneвым дворфам. Впрочем, не нам их судить. Известно лишь одно - племя было загадочное, а больше вот о нём ничего и не известно. Даже имя неизвестно. Оттого и прозвали знахаря местные просто лидером местности - Айыыбы Лидом, добрым доктором Куку, этаким Парацельсом близлежащих деревень.

Может быть, он сможет что-нибудь тебе посоветовать, а я тут, извини, пас. Никогда не было такого, чтобы по полгода ничего не происходило. Ну неделя, ну две-три. Но чтобы полгода? Нет, странно конечно. Надеюсь, этот чудик тебе поможет.”

Поразмыслив немного, я решил, что деваться мне всё равно некуда, и выбора другого у меня тоже нет - поэтому решил навестить на вершину Косматой. Тропинка относительно интересно виляла в утреннем тумане - постоянно казалось, что из очертаний леса складываются дикие хищные звери, следящие за шагающим по узкой просёлочной тропинке путником. Вершина Косматой утопала в провалившемся в воздушную яму облаке, зацепившемся за верхушки хвойных деревьев, словно вкусная добыча охотника, првалившаяся в специально подготовленную ловчую яму. Когда я, на пути следования к домику, зашёл в густой росистый туман облака, то едва мог различить пальцы на вытянутой руке, не говоря уж обо всём ландшафте, который меня окружал.

Чудесатый доктор, как оказалось, жил на поляне в довольно-таки добротного вида деревянном доме, отстроенном по вполне себе классическому старорусскому проекту. Хозяин дома встретил меня довольно-таки приветливо, но немногословно. Выйдя на порог, словно чувствуя, что я к нему пожалую, он посмотрел глубоким старческим взглядом из-под густых бровей и широким жестом пригласил меня в дом. На вид старику было лет восемьдесят, а внешний облик имел

настолько явное сходство с нашим великим опрощенцем и любителем деревенской природы Львом Николаевичем посредством длинной белой бородой, лаптей и славянской косоворотки, что у меня волей-неволей закрались подозрения, что граф, достигнув высшего трансцендентального состояния, удалился от света мирского, преодолел старение и, обретя гармонию и вечную жизнь, поселился в нашей глубинке. Однако в следующий момент я отмёл эту мысль как очевидно бредовую и нелогичную.

Сначала доктор, так и не произнеся ни единого звука (неужели он ещё и немой?), положил меня на берёзовую лавку и довольно долго простукивал деревянным молоточком, затем достал стетоскоп и прослушивал, наверное, никак не меньше получаса каждый сантиметр моей поверхности, не забыв даже про пяточки. Вдруг он нахмурился, заохал и начал раскачиваться из стороны в сторону, затем резко и как-то уж слишком бодро встал и, почти что маршируя, вышел в соседнюю комнату, откуда спустя несколько минут что-то громко забулькало и сильно запахло какими-то таинственного свойства растительными компонентами.

Ещё через несколько минут доктор, уже довольный, снова зашёл в комнату, где я по-прежнему лежал на лавке, и мне ничто не оставалось более, как ещё раз удивиться его поразительному сходству с Толстым. На этот раз доктор был завернут в толстый пушистый плед, под которым, в районе груди, что-то рьяно пиналось и шевелилось. С не менее радостным выражением лица Айыыбы Лид извлёк из-под пледа мелкого, полосатого и довольно неплохо откормленного джунгарского хомячка, пробормотав под нос: “А вот твой пушистый лекарь пожаловал к нам на огонёк...”

Хомячок, всей своей няшностью напоминающий китайскую плюшевую игрушку-повторюшку, в ответ что-то пропищал, явно не желая играть роль пушистого лекаря. Да и меня, откровенно говоря, всё это начинало уже слегка напрягать. Что этот чудик собрался делать? Оказалось, вот что: взяв мохнатое животное в свою, титанических размеров, лопатоподобную ладонь старик с нескрываемым и почти что маниакальным энтузиазмом принялся меня натирать зверьком, который поначалу недовольно попискивал, затем укоризненно хрипел, а примерно минут через сорок и вовсе перестал издавать какие-либо звуки.

Прошло ещё часа два. Хомяк молчал. Однако, когда доктор Куку, всё-таки оторвал его от моей натёртой, а оттого покрасневшей, поверхности кожи, то зверёк вдруг умиляюще пропищал на чистейшем

русском языке: “Теперь всё понятно. Я очень надеюсь, что мой диагноз не позвучит для Вас, как приговор, и надежда всё-таки есть. У вас жук.”

Я вопросительно уставился куда-то вверх, периодически переводя взгляд то на доктора, то на зверька. Старик немного пошамкал губами и прохрипел: “Жук... Давно я не сталкивался с ними, но, видно, что моя судьба - выиграть ещё одну битву с этими сущностями. Но для этого нам потребуется совершить пешую рогулку в самые глубины пещер. По дороге объясню тебе всю суть проблемы”.

Мы вышли из домика доктора и направились в неизвестность по покато́й туманной лесной дорожке. Облачный туман ничуть не рассеялся, хотя на поверхности трав и деревьев появилась блестяще-переливчатая роса. Примерно через полчаса впереди, метрах этак десяти от нас, что-то загадочно зачернело, а ещё через несколько шагов стало очевидно, что это, оказывается, чернел вход в пещеру. Высотой вход был метров семь или восемь, а сразу за ним начинался резкий, практически отвесный спуск куда-то в недра Косматой.

Доктор зажёл смоляной коптящий факел, и в тусклом сиянии на сводах пещеры проступили загадочные письмена, довольно-таки древние на вид и настолько же нечитаемые. Я пригляделся к рисункам, периодически то там, то сям проступавшим между надписями, и понял, что на рисунки изображали станного вида инсектоидных существ, чем-то напоминающих не то чужих из известного американского блокбастера, не то гигантскихвоинствующих насекомых из “Звёздного десанта”. Тонкими светящимися нитями линий связаны насекомые были связаны с высокими тощими людьми, имевшими в своей линейной узорчатой схематичности нечто божественно-ацтекское, в то же время детальность и гротескность их прорисовки имела во всей своей комплексной совокупности нечто невыразимо и неуловимо, но совершенно явно босховское вызывающее архетипический испуг, а по степени северно-племенной этнической мрачности готовое соревноваться с творениями Ганса Гигера или даже Азария Горчакова. Сдерживая в себе желание произнести какое-нибудь многоэтажное заклинание на неизвестном мне языке науатль и вызвать тем самым доисторического индейского бога, я подумал о том, какую огромную всё-таки роль играет массовая культура в закреплении определённого схематического образа мышления человечества и его направленности, выгодной в каждый конкретный период исторического когнитивно-цивилизационного континуума. И насколько взгляд на вещи пронырливо-изворотливого и горделивого, но в то же время, романтически-благородного и вдохновлённого революциями человека

вековой давности отличается от нынешних измельчавших и индугирующих трололошек, фрустрирующих ололошек и прочих школько-пубертатных паладинов Интернета, похотливо и честолюбиво протирающих до дыр свои тщедушные клавиатуры на всяких там хабрах, лурках, башах, упячках, в соцсетях - и прочих отхожих местах мировой паутины, превращаясь в сетевые гаджеты для автогенерации дегенеративного контента виртуализированного общества.

Тем временем, мы проходили из грота в грот в горбовом молчании, словно бы не смея нарушать гармонию величия сводов, уходивших на высоту никак не меньше десятиэтажного дома. Периодически в стенах пещеры встречались узкие боковые лазы, ведущие в мрачную, холодную и сырую неизвестность. Некоторые гроты оказывались практически полностью затоплены озёрами, вода которых впитала известковые минералы, образовав на поверхности тончайший белесый налёт. Ни единого движения воздуха здесь не происходило, и поэтому гладь озёр была девственно чиста от волн и больше походила на слегка мутноватое зеркальное стекло.

Наконец, добрый доктор Куку решился-таки нарушить молчание и принялся негромко рассказывать, словно бы сам для себя: “Когда-то давно мы были великим кланом - племенем воинов Ыыгзталм. Мы постигали великие тайны мироздания и, в конечном итоге, путём невероятных усилий, исследований и тренировок, почти познали собственную природу и обрели практически вечную жизнь.

Тогда мне, уже в те времена главе племени, пришла идея приручить себе мистическое оружие - помощников иного мира, годных для борьбы с враждебными племенами. Постигание себя дало нам возможность изменять собственное зрение так, что мы начинали видеть существ, населяющих все проекции и слои мира. В одном из нижних миров, в сером клубящемся подобии кубического подпространства, жили насекомоподобные существа размером с собаку, но обладавшие цепкими лапами и тонкими щупами. У них было свойство, точнее, даже способность, самостоятельно выбираться в другие проекции - и охотиться на населяющих эту проекцию существ.

Наш человеческий мир тоже не стал исключением - и эти жуки не брезговали охотиться на любых относительно крупных животных - начиная с бобра и заканчивая человеком. В зависимости от того, кем они подпитывались, жуки, вырастая, становились подобны своим донорам. Если они подпитывались от человека, то обретали разум, превращаясь в огромных, с человеческий рост, насекомоподобных гуманоидов с крыльями, жвалами и загадочно мерцающими глазами.

Эти “высшие” жуки обладали способностью влиять на события, происходящие в человеческой жизни через воздействие на расцветающие во все направления времени потоки кармы, быть незримым, но постоянно присутствующим чуждым судьбоносным элементом.

Приручив жуков, мы решили сделать их нашими защитниками, такими всё осознающими и чрезвычайно чуткими сторожевыми псами, и обучили подпитываться не только полями, из которых они сами состояли, находя эти поля в других существах и других мирах, но и перерабатывать любые причинно-следственные связи в энергию, избавляя наших врагов от любых событий и любых чувств, делая их свободными от себя и, одновременно, скованными отсутствием любых событий, словно бы заключённых в клетку вечного застывания, дабы враги наши оказались бы неспособны принести даже самый малейший вред кому бы то ни было из племени. Так энергетические жуки стали кармоедами.

Но однажды наступил момент, когда мои соплеменники окончательно расслабились и оказались слишком слабы, разрозненны и неустойчивы, чтобы намерение их воли позволяло, как и в раньше, сдерживать натиск чуждой воли жуков. Тогда они разбрелись по всему миру, и, многие из них, обретших разум, осознали, что способны влиять на судьбы целых народов, поглощая эти судьбы в небытие, при условии, что обретут контроль над разумом государственных, культурных, общественных деятелей и политиков.

Так, с лёгкой их подачи, начала постепенно зарождаться массовая культура на Западе, вся цель которой сводилась к тому, чтобы сделать человечество слишком уж податливым и желающим специально освободиться от груза ответственности за те причины, которые были сформированы каждым человеком - стать лёгкими, бессмысленными, безответственными и совершенно пустыми, уснув от всех дел и событий в искусственно созданный виртуальный мирок общечеловеческого разума. Именно жуки в середине двадцатого века настроили целые народы на выгодную им волну. Вся эта культура хиппи, направленная на устремление к нирване и избавление от кармы, была спровоцирована и санкционирована монстрами, которых мы - именно мы - вывели в этот свет!

А наша великая вина в том, что мы оказались слишком слабы, чтобы удержать этих существ возле себя, но путь уже был указан. Если бы мы не держали их в нашем мире, то мир был бы для них столь же незаметным слоем, сколь малозаметным оказывается тамбур для

пассажира, переходящего в электричке из вагона в вагон. Честно говоря, мы знали, что, например, все американские президенты, начиная с Гарри Трумена, были под властью жуков - и находятся под их властью по сей день. Знали, но ничего поделеть не могли. Массовая культура не отставала - и целый слой видных деятелей, таких как Кен Кизи, Ричарт Алперт, Уильям Берроуз, Олдос Хаксли, Аллен Гинзберг и, конечно же, Тимоти Лири находились в сладком психодизлептическом тумане насекомого просветления. Я уж не говорю о знаменитой ливерпульской четвёрке - из их названия и так всё становится ясно, что ещё раз подтверждает правдивость и закономерность моих слов.

Тогда к моему клану воинов пришло глубокое осознание всей опасности, которая ждёт человечество, если жуки-кармеды вдруг решат захватить власть над нами, их инициаторами, поскольку всем кланом мы были способны совершить что угодно в нашей и чуждой проекциях - и уж гораздо больше, чем все политики, вместе взятые. Другое дело, что нам всё это было совершенно не нужно, зато, видимо, нужно было хищным сущностям. И мы приняли единственно верное решение - изменить свою природу так, чтобы эти хищники не желали бы к нам прицепляться - и даже не могли бы, если бы захотели. Весь мой клан Ыыгзталм перенёс своё осознание в область существования пушистых грызунов - и для этой проекции мира мы действительно стали хомячками, хотя в других слоях по сей день выглядим мы абсолютно иначе. Как вождь клана, я остался единственный, кто сохранил облик человека для того, чтобы продолжать заботиться о своих сородичах. И все они до сих пор живут у меня дома - им там места вполне достаточно, и нет больше никакой потребности в обширных пространствах пещер Айыыба.

Обретя новый облик, они, тем не менее, не перестали быть истинными воинами своего клана, сохранив и приумножив в себе с возрастом и исцеляющие способности, поклявшись всегда помогать жертвам многомерных жуков. Вспомни, как насекомые пришли к тебе во сне - ведь это наиболее удобная и благодатная среда для их размножения и питания.

Ты пробирался во сне через джунгли, разрубая паутину широченным мачете, но нити тенёты становились лишь толще и гуще. Ты шёл в их гнездо, в самое сердце ловушки. И когда ты пришёл, то крупный паук в центре накинулся на тебя так, что ты даже не успел отбить его атаку.”

Всё, сказанное стариком повергло меня в некое, практически трансное, состояние ужаса - да, я помнил этот кошмар, снившийся мне

как раз полгода назад - и всё происходило в точности так, как описал только что мой странный спутник.

Речь старика настолько не соответствовала его внешности, что я оказывался способен либо смотреть на него, либо слушать, а совместное действие в данном случае вызывало устойчивый, как сейчас принято выражаться, эффект конитивного диссонанса - я никак не мог увязать его толстовскую народно-квасную патриархальность во внешности с лекционной энциклопедичностью повествовательной речи. Впрочем, кто знает - кем он был и чем жил весь долгий период своего существования? И знаний, возможно, накопил в десятки, если не сотни раз больше, чем я. Откровенно говоря, и не особо-то хотелось вдаваться в суть его знаний, обретая все те же печали, многотонный груз которых, добрый доктор, по-видимому, вынужден был постоянно нести на себе, лишь приумножая тяжесть ноши с возрастом.

Тем временем, добрый доктор продолжал: “Я рассказал тебе всё это с одной целью - чтобы ты понял суть вещей и не обижался бы на мои действия. Ведь нет совершенно никакого способа избавиться от власти жука-кармоеда иным путём, кроме как превратившись в мелкое животное. Но постольку, поскольку ты - не из нашего племени и ты - не воин, то и быть хомяком тоже недостоин, ибо кто же ещё столь точно способен передать наше настроение и быть нашим всецелым и полноправным отражением? Пожалуй, будешь моим домашним учёным котом”.

С этими словами Айыыба Лид, ласково улыбаясь, резко хлопнул меня где-то по спине между лопатками. В глазах моих помутилось, мне показалось, что я быстро падаю, а пространство вокруг меняет форму, размер и очертания, а когда сознание вернулось ко мне, то ему уже пришлось начать привыкать к новому телу.

С тех пор в моей жизни произошло уже много событий - мышинные охоты, прогулки по лесу, экстаз от процесса когтеточки и чудные испития парного молока. А когда хозяин сердится на меня, то грозит посадить на золотую цепь и привязать к дереву. Но пока что, к счастью, коварного плана своего он ещё не реализовал - и я очень надеюсь, что никогда и не реализует. Чтобы не досаждать хозяину своей повсеместностью, я решил заняться хобби и принялся записывать мемуары, начиная с самого раннего детства - и по сей день. Конечно, чтобы научиться держать в мохнатой полосатой лапе шариковую ручку, мне потребовалось пара недель тренировок - но зато теперь вы читаете одну из новых глав моих мемуаров. И согласитесь, для кота - это не так уж и мало.

Но есть одна вещь, в которой я уверен совершенно точно - никогда в жизни ко мне не прицепится больше отвратительный астральный жук-кармод!

*Белоусов Роман,
19 октября 2014 года.*